

Батчаева К. Х.

Batchaeva K. H.

**АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ВНУТРЕННИХ
СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ГЕРОЯ В ПРОЗЕ З. ТОЛГУРОВА**

**ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN HISTORICAL MEMORY
AND THE INTERNAL PROPERTIES OF THE HERO'S PERSONALITY
IN TOLGUROV'S PROSE**

Во все времена память является настолько изначальным, естественным кодом восприятия действительности, истории, будущего, что редко осознается анализирующим сознанием.

В самом широком смысле память есть общая категория, определяющая то, что остается от прошлого, своеобразная «база данных» прошлого опыта и информации. В то же время она не только «пассивное хранилище константной информации», но и генерирующий, творческий механизм ее сохранения. Очевидно, что это предельно общее определение, требующее уточнения в каждом конкретном исследовании. Анализ непростого отношения исторической памяти и внутренних свойств личности героев – одна из характерных особенностей прозы З. Толгурова. Память позволяет его героям сохранить в себе человеческое начало, уберечь их связь с родной землей, с традициями предков, являющимися гарантом существования личности в истории. Писатель наследует здесь опыт мировой и русской гуманистической мысли, философской и литературной сосредоточенности на краеугольных духовных ценностях. Стремясь постичь закономерности социального, нравственного развития человечества, он исследует психологические основы действенной человеческой памяти, ее роль в становлении характера, в воспитании нравственности: совести, долга.

Ключевые слова: историческая память, человеческое начало, духовные ценности, нравственность, человеческая память, совесть, долг.

At all times, memory is such an original, natural code of perception of reality, history, future, that it is rarely realized by analyzing consciousness. In the broadest sense, memory is a common category that defines what remains of the past, a kind of «database» of past experience and information. At the same time, it is not only a «passive repository of constant information» but also a generating, creative mechanism for its preservation. This is clearly a very general definition that needs to be clarified in each particular study. Analysis of the difficult relationship between historical memory and the internal characteristics of the characters' personality is one of the characteristic features of prose of Tolgurov. Memory allows his heroes to preserve the human nature, to preserve their connection with their native land, with the traditions of ancestors, which are the guarantor of the existence of personality in the flow of history. The writer inherits here the experience of world and Russian humanistic thought, philosophical and literary focus on the cornerstone.

Key words: historical memory, human origin, spiritual values, morality, human memory, conscience, duty.

Батчаева Клара Хамидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики профессионального обучения и иностранных языков, ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик

Batchaeva Klara Hamidovna – Candidate of Philology, Associate Professor Chair of Pedagogics of professional education and foreign languages, FSBEI HE Kabardino-Balkaria SAU, Nalchik

Традиционный завет «живи и помни» в произведениях З. Толгурова обретает свой исконный, непреложный характер и раскрывается во всей символической глубине, вмещающей в себя и тревогу, и осознание трагической непрочности нашей памяти. Ведь нити ее легко обрываются, соприкасаясь с равнодушием и жестокостью. Сохранение в нас прошлого, то есть памяти о нем, предполагает неустанную душевную работу.

Память выступает в прозе З. Толгурова как опора в критической ситуации, как двигательная сила нравственных поступков, ей принадлежит не вспомогательная, а конструктивная роль. Память преодолевает границы обыденной жизни, выводит героев философского повествования в пространство истории и общечеловеческой культуры.

Осваивая совокупный духовный опыт народа, человек обретает, как говорят философы, «двойное существование». Он представляет не только себя, но и то превосходящее его целое, в которое он «встроен» со своим единичным опытом, со своими индивидуальными возможностями. Понять это значит, установить понятие личного со всеобщим, соединить свою память с народной. З. Толгурову свойственно глубокое понимание неразрывной исторической связи времен. Он убежден, что этические законы предков, воплощенные в народно-поэтическом сознании, наследуются новыми поколениями самостоятельно – в преодолении обстоятельств и самоопределении.

Мысль писателя обращена к самому процессу взаимодействия внутренней, психологической жизни человека с исторической памятью народа. В этом взаимодействии заключено одно из основных противоречий современной эпохи, переживающей кардинальное переустройство всей привычной жизненной систематики.

З. Толгуров предостерегает от слепого подчинения традициям. Несвободное отношение к этическим предписаниям прошлого может стать препятствием в развитии личности, лишить счастья. Писатель утверждает право и необходимость свободного выбора по отношению к законам предков. Их надо проверять реальностью

двадцатого столетия, гуманистической нравственностью. Эту идею он с большой настойчивостью проводит во всех своих произведениях, на всех идейно-эстетических уровнях, в том числе и на мифологическом (особенно показательны повести «Эрирей», «Белая шаль», «Игра в альчики»). «Как вновь найти потерянные корни, вернуться к обросшей бурьяном земле предков и там обрести былое достоинство?» [1] – задаются этим вопросом герои З. Толгурова.

Традиционный для русской «деревенской» прозы конфликт между городом и деревней в этих произведениях балкарского прозаика достигает своего апогея. Человек не может быть один. Он нуждается в помощи и поддержке близких для осознания смысла и полезности своего существования, для соотнесения его с внешними ценностями человеческого бытия – с идеалом.

Как же могло так случиться, чтобы Шабаз, так глубоко чувствующий и любящий землю, оставил ее? Добившись славы в труде, он шаг за шагом теряет почву под ногами, превращается в пустой выставочный экспонат, которого выставляют на каждом собрании. Если шапка Каракая слетела с головы в час его неприятия бессмысленной гибели, то шапка Шабаз покинула его слепой волею системы, которая во имя нынешнего блеска лишала людей родной стихии, отрывала от привычного дела. (...) Но что держит Шабаз в городе, в неудобной, постылой городской квартире? Может быть, он убегает от бюрократизма, приписок, рвачества, словоблудия, обуявших аул? А что видит в городе? То же словоблудие не бесконечных заседаниях, где он, как герой труда, вынужден поделиться опытом. По существу, он и опытом-то не делится, а читает чужие мысли. (...) Блеск ресторанов? Покой городской квартиры с теплой водой, газовой печкой, телевизором и прочим? Нет, не может Шабаз разобраться, не может понять, в каком болоте он погряз. Не может понять ни своей, ни Шабаз судьбу пес Курта.

Но во тьме опрометчивых решений, навязанных ему, скромному труженику, притчами рисованного бога изобилия социализма, брезжит еще слабый, колеблющийся, но настойчивый свет. Думы

Шабаза и видения пса Курта сливаются в одну недостижимую для них картину, где волнуется луг, с верховья которого косым журавлиным клином входят здоровые мужчины, звенят косы, выпархивают перепела... Да, человек работающий, честный, вовлеченный некогда в злую игру времени, тем выпавший «из стройного клина журавлей», вернется «на круги своя», вернет свое достоинство. К этому обнадеживает и настойчиво зовет колеблющийся свет?» [2].

Образ Шабаза символичен, многомерен, смысл его не может быть сведен к той или иной исследовательской формуле. Но важно то, что образ этот у З. Толгурова противостоит всему косному, равнодушному и жестокому, что пытается утвердить свою власть в мире, стремясь навязать жизни свои несправедные законы; он несет утешение и символизирует возможность иного строя людских отношений и чувств. Как сказано у В. Белинского: «Идеал – не произвольная игра фантазии, не выдумка, не мечта; и в то же время идеал – не список с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или иного явления» [3].

Ситуация одиночества и отторгнутости человека есть для писателя зловещий симптом распада традиционных человеческих связей, нравственных основ поведения. Здесь настоящее в свое злой сиюминутности как бы отрицает прошлое и будущее, этическую традицию: «распалась связь времен». И Шабаз сделал выбор, решивший, надо думать, не только его судьбу.

Прослеживая эволюцию творчества З. Толгурова, можно увидеть, как писатель уходил от всякого рода романтических представлений о жизни к максимально возможной и доступной искусству правде жизни. Максимально приблизившись к конкретному человеку, писатель осознает его самоценность, высокое историческое предназначение. С особым вниманием он всматривается в способность человека преодолевать себя, свой страх и свою слабость. В повести «Алые травы» З. Толгуров «...на поле войны ставит свой обычный фокус отражения, сузив всенародное сопротивление фашизму до уровня одной семьи, спрессовав в этой семье законы чести и свободолюбивый характер

своего народа. Он поставил семью Каспота перед лицом наступающего врага» [1]. Критик прав, считая, что уже в подобной расстановке сил заложен отход от традиционных неубедительных стереотипов, когда герой всегда положителен, не содержит никаких изъянов, а его антипод – напротив, отрицателен с самого начала.

В считанные часы, в замкнутом пространстве сталкиваются разные сознания, характеры, делая выбор между жизнью и смертью.

Писатель кропотливо исследует ситуацию нравственного выбора. Он вскрывает диалектическую борьбу взаимоисключающих мотивов поведения не только внутри сообщества родственников, но и в тайниках разума и чувств каждого из них. Во времени и пространстве повести идет психологическое исследование характера, столкновение воли, позиций, мировоззрений. «Из пятерых своих сыновей отец рассчитывал больше всего на Каракаю – сильного, рослого парня: к тому же он хороший стрелок – Каспот сам учил. Но именно он восстает против решения отца. Каракаю не видит никакого смысла в том, что отец, лишь внимая зову предков, решил «дать сражение» захватчикам. Кроме бессмысленных жертв, эта затея ничего не дает. Поэтому свой уход с поля боя он не считает предательством. Каракаю лишь глубже других осознает бессмысленность сопротивления. В глубине души и отец признает правоту сына. Но прав и Каспот, считая, что без боя нельзя отдавать отчужденную землю. Для него важна не победа сама по себе, в конце концов не каждый воин, даже не каждая армия добивается победы, важно выйти навстречу неприятелю, не дать ему свое поле без боя. Так столкнулись две воли, два мировоззрения, и не знаешь, кому дать предпочтение» [4].

З. Толгуров ведет повествование в нескольких планах: реальном, поэтическом и символично-философском. Он стремится показать, сколь велик резерв тех человеческих сил, которые борются со злом.

«Ставя Каспота лицом к лицу с поляной, писатель обращается к явлениям природы, не пугаясь ее сложностей и противоречий, а, наоборот, ищет в них созвучия, соучастия в людских поступках. Каспот был уверен, что все они, его сыновья (...) не дрогнут перед

врагом, умрут, защищая поляну. (...) Пройдет бой, отец на деле увидит своих сыновей, потерпит поражение посильнее, чем проигранное сражение, и, хороня мертвых сыновей, а оставшегося живым, проклиная, он только и услышит голос окровавленной земли. Но не будет в этом голосе утешения, а только зов к вечному раздумью о том, на каком изгибе дороги род теряет свой «высший принцип» и отец перестает быть мериллом поведения для своих сыновей? Каспот не найдет ответа на этот вечный вопрос, а Каракай будет проклинать могилу отца, во сне будет рыть ее, надеясь найти там свою шапку – свою потерянную честь» [4].

Поединок человека с трагическими обстоятельствами совершается у З. Толгурова во имя преодоления всеобщей разьединенности. Писатель не устает утверждать, что и законы мироздания, и совокупный опыт всех времен и народов требуют от каждого сопричастности, соучастия, соединения, чтобы противостоять бездне, порождающей манкуртов.

Важно подчеркнуть, что нарушение традиционной этики взаимоотношений поколений означает для З. Толгурова и пагубный разрыв между прошлым и будущим, отказ от исторической преемственности. Повесть «Алые травы» – наиболее полное выражение мысли о том, что противоречия между поколениями снимаются нравственным чувством, максималистским по характеру, а в основе его – память, нравственно-философский опыт человечества.

Оставаясь реалистическим произведением, эта повесть соединяет в себе поэтические особенности и сказа, и мифа, и легенды. Она демонстрирует нам связь современных духовных исканий с вековым общечеловеческим нравственным опытом и восприятие художником мировой культуры как своей, соприродной ему. Память З. Толгурова обогащена основательным знанием не только балкарской культуры.

Тема памяти является нравственно-философской основой сложного структурного образования, каким являются «Алые травы» с их разветвленной системой отсылок в разные сферы духовной жизни. Образ памяти воссоздается путем совмещения реалистического и условного, сознательного и подсознательного,

разумного и стихийного. Он включает в себя конкретных людей, природное начало, фольклорно-поэтические элементы. В него входят все природные стихии, а в конечном счете – жизнь и смерть героев. И вся повесть – это философская, поэтическая память о земле, человеке, его душе и разуме.

Память утверждается связью поколений. В одном из своих программных выступлений А. Айтматов говорил о связи духовной: «Да, я хочу высказать (выскажу, сумею ли?) мою любовь к человеку, напоминая о его величии и о том, что велик он не только своим интеллектом и его производными, но и всей совокупностью тех качеств, которые в старину называли душой. (...) Может быть, писательство, страсть творчества и овладели мной, что инстинктивно хотел понять и выразить (для себя прежде всего) не то внешнее, что видел и как будто «знал», но то скрытое – тайну жизни, изъясняясь может быть высоким стилем, которую я чувствовал за всем и во всем, что нас окружает в мире: люди, горы, звезды, сказания и легенды, что движет саму жизнь» [5].

Итак, мотив памяти, как структурный элемент прозы З. Толгурова, выявляет свойственное писателю отношение к миру, пафос которого – в стремлении прочувствовать и художественно обосновать великую силу включенности человека в бытие, единство личного и общечеловеческого. Художник убежден, что этические заветы предков, закрепленные в поэтическом сознании народа, его трудовых навыках, наследуются новыми поколениями; память не существует вне духовной жизни, культуры, а забвение может быть преодолено только совестью и любовью. О том, что основанием памяти является чувство, говорили и древние мыслители. Аристотель, посвятивший трактат памяти и воспоминаниям, размышлял: «...Память должна быть в знании, сколь скоро она есть удержание знания. Но это невозможно, ибо память – в душе».

Следует признать, что в повестях З. Толгурова мы всегда имеем дело с созданием особого, движущегося мира человеческой души. Видеть в каждой эпохе национальной жизни ее неповторимое историческое своеобразие, выражающееся во всем складе, во всей атмосфере отношений между различными слоями общества,

чувствовать национально-исторический дух эпохи – это значит иметь не только какие-то

знания о жизни общества, но и обладать «историческим чувством».

Литература

1. *Толгуров З.* В контексте духовной общности. – Нальчик, 1991. – С. 281.
2. *Караева А.* Обретение художественности. – М., 1979. – С. 176.
3. *Белинский В.* Собр. соч. – М., Л., 1955. – Т. 8. – С. 728.
4. *Теппеев А.* Имя в литературе // Литературная Кабардино-Балкария. – 1999. – №2. – С. 20.
5. *Айтматов Ч.* Пегий пес, бегущий краем моря // Роман-газета. – 1977. – № 17. – С. 21.

References

1. *Tolgurov Z.* V kontekste duhovnoj obshchnosti. – Nal'chik, 1991. – S. 281.
2. *Karaeva A.* Obretenie hudozhestvennosti. – M., 1979. – S. 176.
3. *Belinskij V.* Sobr. soch. – M., L., 1955. – T. 8. – S. 728.
4. *Teppееv A.* Imya v literature // Literaturnaya Kabardino-Balkariya. – 1999. – №2. – S. 20.
5. *Ajtmatov Ch.* Pegij pes, begushchij kraem morya // Roman-gazeta. – 1977. – №17. – S. 21.

